

С. Н. Волкова

УДК 811.161.1'373.2

СПЕЦИФИКА ИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ О. Н. ЕРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ»

Реферат. В статье рассмотрена специфика именований персонажей в романе об афганской войне известного российского писателя О. Н. Ермакова «Знак зверя». Выявляется характерная для романа парность персонажей, которая отражена и на антропонимическом уровне; показывается нередкий контраст между сутью персонажа и его именованим, употребляемый в художественных целях. Отмечается особая важность вымышленных мифонимов, отражающих личную мифологию автора, в формировании второго (ирреального) плана романа – философско-символического, с мифологическими и религиозными аллюзиями.

Ключевые слова: О. Н. Ермаков, роман «Знак зверя», идея художественного произведения, авторская позиция, имя собственное, антропоним, мифоним, именование персонажа, специфика имяупотребления, реальный и ирреальный планы выражения.

Известный российский писатель Олег Ермаков родился в Смоленске. В 1981–1983 годах в рядах Советской армии проходил срочную службу в Афганистане. Все два года вёл дневники, от которых сохранилось лишь несколько тетрадей. Служба в Афганистане дала огромный материал для осмысления этому талантливому художнику. Первые произведения Ермакова об афганской войне появились в 1987 году. Это были «Афганские рассказы», очень заинтересовавшие общество и вызвавшие восторженные отклики критиков. В 1992 году был опубликован роман «Знак зверя», который, как и рассказы, был основан на воспоминаниях автора.

Приведём ряд высказываний, появившихся после выхода в свет «Знака зверя». «Безусловно, роман позволяет видеть в его авторе одну из ярчайших молодых фигур русской литературы», – утверждал Д. Быков [3, с. 43]. «Это – лучшее, самое глубокое, что о ней (об афганской войне. – С. В.) написано», – отмечал признанный мастер военной прозы Г. Бакланов [2, с. 55]. «В каждую эпохальную заваруху конца второго тысячелетия от Р.Х. художественный рок как бы внедрял своего посланника – того, кому дано всё пережить вместе со всеми, но в силу особого дара не так, как всем; того, кто потом обязан будет свидетельствовать – но не как простой очевидец, а как “толмач”», – писала в 1993 году критик И. Роднянская, утверждая, что в лице Ермакова афганская война обрела своего посланца и что его роман “замыкает некалендарный XX век с тем же правом, с каким открывали его романы Ремарка и Хемингуэя о первой мировой и с каким обозначили его переломную середину военные романы Бёлля, лагерная повесть Солженицына” [9, с. 240].

В рамках своей научной работы мы занимаемся комплексным изучением ономастикона романа О. Н. Ермакова «Знак зверя». Настоящая статья посвящена специфике употребления имён собственных и характерным особенностям именования персонажей указанного произведения.

Одним из типичных приёмов в романе является парность персонажей, которая нередко отражается и в имянаречении. Особенно ярко это проявляется при именовании главных персонажей, которых зовут *Глеб* и *Борис*. Познакомившись в туркменском учебном лагере, совсем юными попадают они на страшную афганскую войну. Борис и Глеб заметно выделяются из массы других солдат: это начитанные, мыслящие, свободолюбивые, независимые молодые люди. Но судьбы их оказываются различными. Однажды Глеб случайно убивает Бориса, бежавшего от издевательств старослужащих из разведроты и пытавшегося пройти через КПП, который караулил Глеб. Борис ценой собственной жизни смог, в отличие от других, противопоставить себя систе-

ме, дедовщине, всему происходящему; он явился исключением из правил. Глебу же, после неудачного бунта, пришлось подчиниться системе; в конечном счёте принять на себя “знак зверя”.

Глеб убил Бориса. Трагически разрываются имена, которые в национальном сознании русских всегда стоят рядом. Подобно тому, как братья Борис и Глеб, впоследствии причисленные к лику святых, явили собой безвинные жертвы, стали воплощением жестокости и неразумия людей, так и оба героя Ермакова, Борис и Глеб, стали жертвами войны, соединившей их в одной точке [6, с. 22]. Ермаков переосмысливает известное историческое событие – убийство князей *Бориса* и *Глеба* по приказу Святополка Окаянного в борьбе за власть.

Таким образом, имена героев – *Борис* и *Глеб* – закладывают глубокий символизм романа, несут важную смысловую нагрузку. Этот страшный символ важен для реализации авторской идеи. Основная идея романа «Знак зверя» – антивоенная: Ермаков показывает бесчеловечность любой войны на примере афганской. И уже именами главных персонажей подчёркивается идея братоубийственной войны.

Приведём ещё один пример, когда воплотить авторский замысел помогают парные антропонимы.

В романе в одном контексте употребляются две близкие по происхождению фамилии *Шурыгин* и *Александров*. Во время празднования Нового года между двумя подвыпившими офицерами происходит спор, заканчивающийся дуэлью. Один из споривших – старший лейтенант *Александров*. Второго офицера зовут *Костей*, на протяжении всего застолья и следования к месту дуэли автор называет его просто *сапёром*. Только в тот момент, когда *Александров* ранит своего сослуживца, читатель узнаёт его фамилию: “Потерпи, *Шурыгин*, – *Александров* с трудом распрявил его тело, расстегнул бушлат, портупюю, сырую куртку, задрал красно-белую майку, накрыл пульсирующую дырочку между рёбер тампоном, стал обворачивать вокруг груди бинт” (курсив здесь и далее наш. – С. В.) [5, с. 224].

На наш взгляд, Ермаков не случайно употребляет эти два антропонима в одном контексте, более того рядом приводит рядом фамилии адресата и адресанта.

Фамилия *Александров* восходит к русскому крестильному имени: *Александров* < *Александр* < *Αλέξανδρος* (‘защищающий людей’) [11, с. 40].

По поводу происхождения фамилии *Шурыгин* существуют различные точки зрения. Так, Ю. А. Федосюк считает, что фамилия *Шурыгин* образована от уменьшительной формы имени *Александр* – *Шурыга* [12, с. 258]. На происхождение фамилии *Шурыгин* от имени *Александр* указывает и И. М. Ганжина. В современном

русском языке *Саша* является обычной уменьшительной формой имени Александр. Скорее всего, такая связь была и в древнерусском языке. Форма *Шура* образована через промежуточный вариант типа (*Са*)*шура* [4, с. 19].

Существует прозвищное имя *Шурыга*, известное в древнерусском языке. Фонетический комплекс этого имени в настоящее время ассоциативно связан с формой *Шура*. Хотя В. А. Никонов и Б.-О. Унбегаун выдвигают версию о диалектном происхождении старого прозвищного имени: из нарицательного *шурыга* – “непутёвый, мошенник” [8, с. 179], “обманщик” [11, с. 123].

Мы же считаем, что Ермаков не обращался к древнему толкованию прозвищного имени, скорее всего действовали фонетические ассоциации. В романе значимо происхождение фамилии *Шурыгин* от имени *Александр*. На наш взгляд, совмещение в одном контексте близких по происхождению фамилий помогает нагляднее передать идею братоубийственной войны. На эту идею Ермакова указывают и критики: “Бессмысленная война – тоже болезнь, повальная эпидемия, вызванная вирусом насилия и ненависти, который долго выращивался в лаборатории, занимающей шестую часть света. <...> Не государство воюет с государством, не идея борется с идеей и даже не люди с людьми из-за какой-то осязаемой, реальной добычи. Нет – пораженный вирусом насилия и ненависти человек воюет с пространством, временем, материей, самим собой <...> Люди воюют здесь не с душманами, а друг с другом. Ермаков <...> имеет возможность показать впечатляющую картину взаимоуничтожения людей, собравшихся в городе у Мраморной горы – вплоть до дуэли <...>” [1, с. 201].

Особую роль антропонимы выполняют при именовании героя «Знака зверя» *Глеба Свиридова*. Он имеет в романе несколько имён, и это значимо в плане идейного содержания. Автор показывает, что война разрушает гармоничное существование всех живых существ и – прежде всего – война разрушает самого человека. Основные этапы деградации личности героя, принявшего на себя “знак зверя”, сопровождаются в романе изменением его имён (цифра в скобках при имени собственном обозначает количество его употреблений в тексте): *Глеб* (4), *Глебчик* (3), *Черепяхин* (1), *Черепяха* (214), *Череп* (21), *Корректировщик* (12), *Свиридов* (1), *Корректировщик-Черепяха* (21).

Глеб получает прозвище *Черепяха* в учебном лагере, где сержанты приказали ему сварить живых черепах, чтобы потом их панцири приспособить под пепельницы. Выполнить это помешала *Глебу* болезнь (дизентерия), она же защитила его от гнева рассвирепевших сержантов. Очнувшись в госпитале, он “услышал своё новое имя: *Черепяха*” [5, с. 38]. Исследователи считают, что “ди-

зентерия *Черепяхи* – его посвящение, крещение войной” [1, с. 202]. Как известно, во время религиозного обряда Крещения человек часто получает новое имя; для верующих Крещение – это второе рождение, вхождение в новую жизнь. Для *Глеба* с этого эпизода, действительно, начинается другая жизнь, и обретение героем именно в этот момент нового имени значимо. Мы поддерживаем электронную переписку с автором романа «Знак зверя», и вот что О. Н. Ермаков писал нам по поводу прозвища *Черепяха*: “Мне тут важна была установившаяся связь Глеба с миром Азии. С какими-то глубинными течениями этого мира. Ну и черепяха ведь как будто в каске – вполне военный образ; кто-то сравнивал римскую колонну солдат с черепяхой, ползет тяжело, неотвратно”.

Небрежно брошенное старослужащими прозвище вскоре закрепилось за новобранцем, и под именем *Черепяха* главный герой предстаёт в романе чаще всего. В том же эпизоде начала болезни Глеба единственный раз в романе встречается прозвище *Черепяхин*. Так героя, находящегося в полубессознательном состоянии, иронично-угрожающе называют сержанты, приказ которых новобранец Глеб не успел выполнить и которым приходится доставлять его в санчасть: “Пошли, держись, сейчас в машину, помогите ему, садись, что, хреново? Ему совсем хреново, заводи, бубубу, эй! погоди! ну чего надо? кого? вон того *сукина-черепяхина*, потом, некогда, поехали, бубубу, это который *Черепяхин*? чем ему насолил? погоди, выздоровеешь <...>” [5, с. 37]. Оним *Черепяхин* используется здесь как ругательство, в значении “сын черепяхин”, то есть “сукин сын”.

В тот момент, когда главный персонаж понимает, что именно он убил своего друга *Бориса*, в нём происходит окончательное умерщвление живого естественного человека. Теперь герой по-разному живёт днём, в реальном мире, и ночью, в наркотическом дурмане; он иначе воспринимает время и пространство. Его новое прозвище страшно и коротко: *Череп*. Вероятнее всего, *Череп* – это просто сокращение от слова *Черепяха* (для солдатской среды характерна экономия языковых средств). Но ассоциативно прозвище *Череп* воспринимается зловеще. Превращением *Черепяхи* в *Череп* заканчивается инициация персонажа.

Прозвище *Корректировщик* герой даёт себе сам, это “компенсирующее самоназвание” [9, с. 241]. Своей рацией он корректирует артобстрел, под которым гибнут афганские кишлаки. И эта его деятельность (якобы оправданная ситуацией войны, якобы невольная: он солдат, он выполняет приказ), как бы вытекает из его первого убийства и несёт его печать.

Из 276 употреблений различных именовании героя в тексте только 1 раз используется фамилия *Свиридов*. Отметим, что употребляется она в

самом конце романа, когда на кабульской пересылке зачитываются списки демобилизованных солдат. Она, по нашему мнению, указывает на происхождение персонажа из простого народа, является социально маркированной. Фамилия *Свиридов* происходит от разговорной формы *Свирид* имени *Спиридон* [8, с. 112].

В загадочном финале романа отслуживший свой срок герой как бы раздваивается, и это раздвоение проявляется и на антропонимическом уровне. Автор попеременно называет его то *Корректировщиком*, то *Черепяхой*: “В вертолёт темнотой, по лицу *Черепяхи* катится пот, сквозь толстое стекло он смотрит на самолёт, на толпу и трап, по которому взбегает без оглядки *Корректировщик* со сверкающей медалью” [5, с. 379]. В одной своей ипостаси герой улетает бравым дембелем “за реку” на бело-голубом самолёте, а в другой – втискивается новобранцем в вертолёт, который доставит его в “мраморно-брезентовый город”, чтобы он снова и снова выходил там в ночной наряд и целился в друга. Здесь же, в конце романа в авторской речи появляется составное прозвище *Корректировщик-Черепяха*.

В чём же смысл этого раздвоения? Человек всегда гоним своей совестью на то место, где совершил преступление. Глеба “гонит назад непреодоленное прошлое, а вперёд – жизнь и надежда” [9, с. 244]. Размышляя над сменой имён героя романа «Знак зверя», критик Ирина Роднянская писала, что “утрата имени и безуспешные попытки его вернуть входят в тот синдром обезличенности, который настигает всех, кто принял знак зверя” [9, с. 241].

Отметим ещё один характерный приём у Ермакова в плане именовании персонажей – приём антитезы. Как уже было отмечено, герою Глебу – начитанному, мыслящему человеку – автор даёт самую обычную фамилию *Свиридов*, которая говорит о его происхождении из простого народа. И в то же время для номинации эпизодического персонажа используется такая знатная фамилия, как *Шереметьев*. Хорошо известно, что её носили представители высших сословий. В романе «Знак зверя» ею назван не очень образованный, деревенский парень, солдат. Речь водителя *Шереметьева* изобилует просторечными и диалектными выражениями, неприличными шутками. Возникает контраст между знатностью фамилии и обычностью, даже сниженностью, её носителя. Нас заинтересовало, почему автор использовал этот приём, и мы обратились к нему за разъяснениями. О. Н. Ермаков ответил так: “Все смешалось в доме Облонских – СССР, и вот уже *Шереметьев* – деревенский парень, правда, потерявший культуру. Но мне тут интересно было звучание речи, в устах солдата с такой фамилией все звучало резче. И при этом фамилия бросала ответ на хирурга (один из персонажей романа. –

С. В.), странным образом подчеркивала его приглушенную интеллигентность”. Таким образом, этот пример наглядно показывает, что даже эпизодические антропонимы у Ермакова “говорят”. В данном случае фамилия *Шереметьев* иллюстрирует социальные преобразования в Советском Союзе, и кроме этого, антропоним одного персонажа помогает создавать образ другого.

Ещё один специфичный приём Ермакова – это создание авторской мифологии, поскольку особенностью «Знака зверя» является наличие двух планов: реального (изображение военной среды) и ирреального – философско-символического, с религиозными и мифологическими аллюзиями. Именно поэтому важную роль в создании второго плана играют вымышленные автором мифонимы, называющие персонажей: *Лип* (15) / *Пил* (1), *Утренняя Корова* (9), *Ева-ения* (10), *Птах Ацим* (5) / *Птах* (1) / *Ацим* (1) / *Птица Ацим* (1) / *Птица* (1) / *Тица* (1). Эти имена собственные отражают личную мифологию Ермакова, а следовательно, очень значимы для трактовки авторской позиции, расшифровки второго плана. Отметим, что личная мифология писателя сложна и многогранна, поэтому правильно трактовать вымышленные мифонимы не всегда легко. В связи с этим, анализируя этот материал, мы особенно часто обращаемся к письмам О. Н. Ермакова, который на протяжении всей нашей работы любезно и с большим желанием нам помогал.

Мифонимы *Лип*, *Птах Ацим*, *Ева-ения* встречаются в одном контексте: в видении / сне героини романа Евгении. Незадолго перед этим появляется библейское имя *Адам*, в разговоре Евгении (библиотекаря военного городка в Афганистане) и её соседки Катерины (штабной машинистки):

“– <...> За что нас бог наказывает морщинами и болями...

– Нечего было соблазнять *Адама*” [5, с. 240].

Использование имени *Адам* играет в «Знаке зверя» важную роль, несмотря на однократность его употребления. Наряду с индивидуально-авторским мифонимом *Ева-ения*, оно актуализирует библейскую историю первородного греха, которая оказывается значимой в идейном содержании.

В видении героини *Птах* предвещает *Евгении* и командиру разведроты Осадчому, который влюблён в неё, гибель на войне. *Птах Ацим* рисует всему человечеству страшные картины взаимоничтожения, страданий, боли; он предвещает, что люди никогда не перестанут воевать, убивать друг друга, пока на их лицах “знак зверя” (1): “И вот иные земли и иные люди с иными именами, с иным языком, но с тем же знаком на лицах <...>. С лица земли они стирают города, деревни, сады, друг друга, – и будут стирать!” [5, с. 244]. Всё это, по мысли автора, является следствием того, первородного, греха. Но, как и в библейской легенде,

у человека (читателя) остаётся надежда на победу над злом. Пессимизм контекста всё же преодолевается утверждением мифического Липа, который утверждает, что так будет “пока знак зверя не сотру с их лиц <...> Сотру с их лиц Именем Моим. Я Лип” [5, с. 245].

Лип – это мифический персонаж с явными христианскими аллюзиями. Анализируя контекстное употребление данного онима, нельзя не заметить “реминисценции подспудного характера” (2), которые возникают в связи с образом *Липа*. Приведём отрывок из письма Ермакова: «*Лип* – от «Спаса» Рублева, иконы на липовой доске; это как будто *тень, далекий отзвук того образа*, причудливо преломившийся во сне». Мифоним *Лип* восходит к апеллятиву *липа*; из этого дерева исстари делались на Руси иконы, так как древесина липы мягкая и пластичная. Слово *липа* ассоциативно всплывает в сознании Евгении при перечислении работ величайшего русского иконописца Андрея Рублёва. Схематично путь образования мифонима можно представить следующим образом: икона А. Рублёва «Спас» → апеллятив *липа* (материал, из которого делали иконы) → оним *Лип*.

Оним *Птах Ацим* – это анаграмма слова *птица*. В видении героини у этого мифического существа несколько форм имени: *Птах Ацим*, *Птах*, *Птица Ацим*, *Птица*, *Тица*, *Ацим*. На наш взгляд, образ *Птаха* нельзя трактовать однопланово. Несмотря на наличие в нём жестоких, разрушительных и других демонических черт, это образ неоднозначный, сложный, в некотором роде “провокационный”. Он позволяет взглянуть на деструктивную деятельность человека как бы со стороны, сверху. *Птах* словно провоцирует человечество задуматься, остановиться, а Липа провоцирует стереть с лиц людей знак зверя. Ермаков писал нам, что в образе *Птаха* есть и “египетские реминисценции – божество *Птах* (3), который создал мир сердцем и языком, – а в видении Евгении он сообщает ей, что клонет ее в сердце, когда она будет мучиться на дороге. Язык *Птаха*, кстати, – *Тот* (4), бог мудрости и письма, и поэтому предсказание Птаха можно прочесть и как указание на произвол автора – он коснется сердца героини пищащей тростинкой”.

Особую роль в создании философско-символического плана романа играет мифоним *Утренняя Корова*. Это мифическое существо появляется во сне главного героя Черепахи (Глеба); это перевоплощение Евгении / Ева-ении. Черепаха в своих снах странствует с *Утренней Коровой* по равнине, которая находится где-то перед Восточным океаном (кстати, этот мифотопоним также вымышлен автором). Как пишет нам О. Н. Ермаков, “она пытается вывести его туда, к свету, спасти, вырвать из прошлого. Но у нее ничего не получается. Герой навсегда будет заморожен этим

прошлым. Восточный океан не для него. Он так и не сумел и не сумеет туда подняться”. Мы поинтересовались у автора, что он понимает под именем Восточный океан. О. Н. Ермаков писал нам, что это океан “ближневосточный, океан, из которого взошли мировые религии; океан скорее всего воздушный. Об этом где-то рассуждает Юнг, об океаническом чувстве; об океане как архетипе божества”. Автор также рассказал нам историю возникновения онима *Утренняя Корова*: «В это время я читал Ницше «Так говорил Заратустра», там есть город – Пестрая Корова. Это странное название показалось мне звучным и передающим дух Азии. А Утренняя – Утренняя звезда, Венера. В Евгении соединение, грубо говоря, Европы и Азии. Нет, лучше сказать: встреча того и другого, заканчивающаяся трагически».

Имятворчество Ермакова отражает авторскую позицию, авторский взгляд на описываемые в романе события. Второй (ирреальный) план в «Знаке зверя» – философско-символический, с религиозными и мифологическими аллюзиями – является очень важным. Именно этим планом роман отличается от произведений об афганской войне других авторов, а также от ранних (реалистичных) рассказов самого Ермакова. В создании ирреального плана особую роль играют авторские мифонимы. Это его глубокое, философско-символическое видение мира, афганской войны и её разрешения, а также судеб героев.

Итак, при именовании персонажей романа об афганской войне «Знак зверя» О. Н. Ермаков использует особые ономастические приёмы, что позволяет говорить о специфике употребления имён собственных (в частности, антропонимов и мифонимов): *во-первых*, для произведения характерна парность персонажей, которая отражается и на антропонимическом уровне. Этот приём

помогает более образно, убедительно выразить идею братоубийственной войны, идею бессмысленности афганской войны; *во-вторых*, в плане именовании героев нельзя не заметить некоторый контраст между сутью персонажа и его именовани-ем, используемый в художественных целях. Этот приём Ермакова многофункционален: он и углубляет образ, и уточняет характеристики других героев, и несёт важную концептуальную информацию; *в-третьих*, для «Знака зверя» характерно наличие вымышленных мифонимов, отражающих личную мифологию автора. Этот сектор ономастикона участвует в формировании второго плана романа – философско-символического, с мифологическими и религиозными аллюзиями.

И в заключение хотим привести слова О. Н. Ермакова из нашей личной переписки о работе писателя над именем и о важности ономастической составляющей художественного произведения: “<...> мне самому не все было ясно, это ведь был первый роман. А недавнее прошлое громоздилось надо мной, кипело, с этим надо было что-то делать. Фамилии героев заставили меня помучиться. Я исписывал целые страницы разными фамилиями, рылся в словарях. Даже имена не хотелось давать. Но здесь не было осознанного желания придать всему характер притчи. Все это – чистая интуиция.

Сейчас я отношусь к этому проще. Возможно, набил руку. Или набрался достаточно наглости. Может быть, литература – это попытка овладеть тайной имени. Ведь в имени героя соединяется очень многое, это эпицентр ассоциаций жизненных, литературных. И когда имя дано, этот го-мункул начинает действовать и говорить в соответствии со всеми обстоятельствами, историями, обертонками, красками”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По всему миру распространено представление о птицах как о воплощённых божествах предсказаний [10, с. 293; 7, т. 2, с. 346].
2. Фраза О. Н. Ермакова из письма автору настоящей работы.
3. Птах (Пта; pth) – в египетской мифологии бог города Мемфиса; но его культ имел общеегипетский характер. Согласно мемфисскому мифу о сотворении мира, Птах – демиург, создавший “языком и сердцем” первых восемь богов, мир и всё в нём существующее, задумав творение в своём сердце (сердце – “седалище мысли”) и назвав задуманное языком [7, т. 1, с. 423].
4. Тот (Джехути; dhwtj) – в египетской мифологии бог мудрости, счёта и письма; вёл летописи, создал письменность и научил людей счёту и письму. Писцы считали его своим покровителем и перед началом работы совершали ему возлияния. Под покровительством Тота находились архивы и библиотеки. Тот “управлял всеми языками” и сам считался языком бога Птаха [7, т. 2, с. 521].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев А. Мерзкая плоть: Олег Ермаков и перспективы “афганской” литературы / А. Агеев // Знамя, 1993. – № 4. – С. 194–204.
2. Бакланов Г. Подводя итоги (главы из книги) / Г. Бакланов // Знамя, 1997. – № 10. – С. 8–63.
3. Быков Д. Тройка, шестёрка, туш / Д. Быков // Новое время. – 1993. – № 48. – С. 40–43.
4. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 672 с.
5. Ермаков О. Н. Знак зверя: Роман / О. Н. Ермаков. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.
6. Ключинская О. В. Военная проза О. Н. Ермакова: проблема жанрово-стилевого единства: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2010. – 27 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 719 с.
8. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. – М.: Школа–Пресс, 1993. – 224 с.
9. Роднянская И. Марс из бездны / И. Роднянская // Новый мир, 1993. – № 4. – С. 239–244.
10. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер, [пер. с англ. С. Палько]. – М.: ФАИР–ПРЕСС, 1999. – 448 с.
11. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии: Пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. / Б.-О. Унбегаун, [общ. ред. Б. А. Успенского] / . – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 448 с.
12. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. – 7-е изд. / Ю. А. Федосюк. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 240 с.

Волкова С. М.

СПЕЦИФИКА ІМЕНУВАННЬ ПЕРСОНАЖІВ В РОМАНІ О. М. ЄРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ»

В статті розглянуто специфіку іменувань персонажів в романі про афганську війну відомого російського письменника О. М. Єрмакова «Знак зверя». Виявлено характерну для роману парність персонажів, яка відображена і на антропонімічному рівні; показано нерідкий контраст між сутністю персонажа та його іменуванням, який використовується із художніми цілями. Відзначено особливу важливість вигаданих міфонімів, що відображаються особисту міфологію автора, в формуванні другого (ірреального) плану роману – філософсько-символічного з міфологічними та релігійними алюзіями («Λογος όνομαστική», № 4, 2012, с. 77-82).

Ключові слова: О. М. Єрмаков, роман «Знак зверя», ідея художнього твору, авторська позиція, ім'я власне, антропонім, міфонім, іменування персонажа, специфіка використання імені, реальний та ірреальний плани вираження.

Volkova S. N.

SPECIFICITY OF CHARACTERS' NAMES IN O. N. ERMAKOV'S NOVEL «THE SIGN OF A BEAST»

In the article the specificity of characters' names in the novel about Afghan war «The Sign of a Beast» by famous Russian writer O. N. Ermakov is considered. Typical for the novel fact of twin characters is revealed, which is reflected on the anthroponymic level too; not infrequent contrast between the essence of a character and his name, which is used with artistic purposes, is shown. Special importance of invented mythonyms reflecting the personal mythology of the author is noted in the novel's second (unreal) plan formation (philosophical-symbolic) with mythological and religious allusion («Λογος όνομαστική», № 4, 2012, с. 77-82).

Keywords: O. N. Ermakov; novel «The Sign of a Beast»; work of literature idea; author's position; proper name; anthroponym; mythonym; name of a character; specificity of name's usage; real and unreal plans of expression.